

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

DOI 10.31029/vestdnc81/3

УДК 902.6

ОБ ОДНОМ ИЗ ЭПИЗОДОВ НАЧАЛА ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ГРОЗНОГО И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ

Х. М. Мамаев, ORCID: 0000-0002-9699-5510

Независимый исследователь

Р. Х. Мамаев, ORCID: 0000-0001-6498-262X

Независимый исследователь

Статья посвящена одному из основных моментов начального этапа истории выявления и изучения археологических памятников на территории города Грозного и его окрестностей в конце 1880-х гг., связанному с широким распространением грабительских раскопок в Терской области и приездом сюда руководителей основных археологических структур России – графа А.А. Бобринского (Императорская Археологическая Комиссия (ИАК), Санкт-Петербург) и графини П.С. Уваровой (Императорское Московское археологическое общество (ИМАО), Москва). Непосредственной причиной такого внимания послужили докатившиеся до центра слухи о находке золотой «короны» в одном из разрытых кладоискателями курганов у сел. Кулары на р. Сунже. В ее поисках активно участвовала Терская областная и окружная администрация Грозного, один из представителей которой – Ю.К. Чураковский также принял активное участие в исследованиях здешних археологических памятников, проведенных ИАК и ИМАО, а также в сборах многочисленных артефактов, извлеченных грабителями из курганов на Чеченской равнине в 1887–1888 гг. В конечном итоге «корона», оказавшаяся гривной раннесарматского времени (Е.И. Крупнов, В.Б. Виноградов, М.П. Абрамова), попала к П.С. Уваровой и позднее была передана в Государственный исторический музей. Перипетии этой истории сохранились в переписке П.С. Уваровой с Ю.К. Чураковским, еще раз подтвердив значимость эпистолярного наследия в изучении процесса становления археологии в России.

This article is devoted to the one of the most significant moments of the beginning of the history of discovery and study of the archaeological monuments and artifacts on the territory of Grozny and its suburbs in the end of the 1880-th, correlated with wide spread of illegal excavations on the territory of the Terek district (Terskaya) and visiting this site by the directors of the main archaeological structures of Russia - count A.A. Bobrinsky (Imperial Archaeological Commission, St. Petersburg) and countess P.S. Uvarova (Imperial Moscow Archaeological Society (Moscow). The immediate reason for such attention was the rumors that reached the center about a find of the golden "crown" by treasure hunters in one of the mound near the village of Kulary on the river Sunzha. The Terek regional and district administrations of Grozny actively participated in the search. One of the officials, Yu.K. Churakovskiy, also took active part in the research of local archaeological sites carried out by the Imperial Archaeological Commission and the Imperial Moscow Archaeological Society, as well as in the collection of numerous artifacts recovered by robbers from the mounds on the Chechen Plain in 1887–1888. In the end, the «crown», having become the necklace of Early Sarmatian period (E.I. Krupnov, V.B. Vinogradov, M.P. Abramova) came to P.S. Uvarova and was later transferred to the State Historical Museum. Twists and turns of the story are preserved in the correspondence of P.S. Uvarova to Yu.K. Churakovskiy, once again confirming the importance of the epistolary heritage in the study of the process of the formation of archeology in Russia.

Ключевые слова: Чечня, Грозный, курганы, кладоискательская «лихорадка», П.С. Уварова, А.А. Бобринский, Ю.К. Чураковский, Императорское Московское археологическое общество, Императорская Археологическая Комиссия

Keywords: Chechnya, Grozny, mounds, treasure hunting fever, P.S. Uvarova, A.A. Bobrinskii, U.K. Churakovskii, Imperial Moscow Archaeological Society, Imperial Archaeological Commission.

Впервые название города Грозного (до 1869 г. – крепость Грозная) появилось в литературе, связанной с изучением археологических памятников восточной части Северного Кавказа в 1857 г., когда в «Записках» одного из первых археологических обществ России – Русского Археологического (образованного в 1846 г. и известного до 1849 г. как Археологическо-нумизматическое общество; с 1866 г. – Императорское РАО) были опубликованы материалы поездок по региону уже известного к этому времени собирателя иудейских древностей А.С. Фирковича (о нем см.: [1; 2, с. 663]. В них, в частности, упоминались развалины некоего здания в пещере около крепости Грозной, где якобы находились древние рукописи [3, с. 402–403]. В этом сообщении реального, видимо, было немного (подобные рассказы имели хождение и тогда, и позже по всему Северному Кавказу), за исключением разве что самой крепости, которая (если бы сохранилась), сегодня могла бы представлять объект историко-культурного наследия¹.

¹ В 2018 г. город Грозный отметил свое 200-летие (см., напр.: [8]).

Начало же собственно археологического изучения древностей на территории города Грозного и в его ближайшей округе относится к 1888 г., когда здесь провели исследования руководители двух основных археологических структур тогдашней России – Председатель Императорской Археологической Комиссии (ИАК) граф А.А. Бобринский и глава Императорского Московского Археологического Общества (ИМАО) графиня П.С. Уварова (см. [2, с. 719; 4–6 и др.], приезде которых предшествовала «эпидемия» грабительских, кладоискательских «раскопок», разразившаяся на Северном Кавказе в 1887–1888 гг. Собственно говоря, этот разгул «любителей» древностей, отражавшийся в сообщениях газет, и не только местных, которые ИАК отслеживала достаточно регулярно [2, с. 675], и привел, видимо, в конечном итоге руководителя ИАК А.А. Бобринского, а вслед за этим и ИМАО к необходимости совершить поездку на Северный Кавказ (о непростых отношениях, существовавших к этому времени между ИАК и ИМАО, см., напр.: [2, с. 714; 7, с. 85 и далее]).

Применительно к Чечне ситуация того времени, которая привела к разрушению многих десятков, если не сотен, наиболее заметных и доступных на равнине археологических объектов – курганов, а также могильников в горных районах края, была описана местным археологом-краеведом Н.С. Семеновым – в то время помощником начальника Веденского округа [9] в очерках, один из которых так и назывался – «Чеченцы – археологи» [10; 11, с. 161–208]. Это положение дел отметил также младший помощник грозненского окружного начальника Ю.К. Чураковский, так изложивший ситуацию в начале февраля 1888 г. в письме П.С. Уваровой: «...Распоряжением Князя главнокомандующего (имелся в виду Главноначальствующий Кавказской администрацией кн. А.М. Дондуков-Корсаков. – *Авт.*) раскопки курганов запрещены повсеместно на Кавказе, но [это распоряжение] к сожалению, осталось мертвой буквой для туземного населения. Все усилия местной администрации выполнить в Чечне распоряжение Князя парализуются ... алчностью многих, ... в настоящее время почти нет селения, где бы не образовалось по нескольку тайных товариществ для изыскания кладов в древних могилах и курганах. Грустно то, что кладоискатели, хлопоча о драгоценностях, пренебрегают всеми другими предметами и последние подвергаются немилосердному истреблению... Таким образом единственный почти источник, который может осветить земное прошлое нашего края, погибает для науки безвозвратно...» [12, л. 839–843]².

Известно, что появление «легиона, чающих обогатиться», по образному выражению Ю.К. Чураковского в том же послании П.С. Уваровой и, соответственно, начало активного разрушения археологических памятников на Северном Кавказе началось раньше. Так, один из первых польско-российских исследователей-археологов Я. Потоцкий (1761–1815), побывавший на берегах Терека еще в 1792–1793 гг., упоминал о раскопанных кладоискателями курганах в окрестностях станицы Наурской, где были обнаружены средневековые предметы [13, с. 66]. Однако основной подъем активности «черных копателей» на Северо-Восточном Кавказе по понятным причинам пришелся на период после окончания здесь Кавказской войны, т.е. после 1859 г.³

² Здесь любопытны рассуждения Ю.К. Чураковского, до этого не имевшего представления об археологии, о значимости ее для изучения истории Чечни. Возможно, тут свою роль сыграло его предварившее рассматриваемую ситуацию общение с известным уже к этому времени северокавказским собирателем и археологом-любителем из Владикавказа, инженером К.И. Ольшевским (правда, имевшим неоднозначную репутацию в археологических кругах – см.: [2, с. 756 и др.]), составившим протекцию Ю.К. Чураковскому и снабдившим его еще в начале 1887 г. «разными руководствами по раскопкам» [12, л. 842]. В публикуемых в статье извлечениях из писем сохранена орфография оригинала. Материалы переписки П.С. Уваровой с грозненскими корреспондентами хранятся в архиве А.С. и П.С. Уваровых в Отделе письменных источников ГИМ (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1).

³ Кстати, в отличие от ситуации на Северо-Западном Кавказе у нас нет оснований связывать здешний всплеск кладоискательской активности с появлением (присутствием) на территории Чечни российских войск (ср.: [14, с. 7]). Не отвечает реальности и версия о связи этого явления с началом археологических исследований в крае (см. также: [15, с. 13–14]). Преувеличенной представляется и оценка уровня опасности для исследователей здешних памятников в конце XIX в. (см., напр.: [2, с. 782]).

Так, например, в 1867 г. у станицы Старогладковской местные казаки разрыли курган с бронзовыми предметами [16, с. 198], не позднее 1877 г. немалое число курганов было перекопано ими же из-за случайной находки маленькой золотой пряжки у станицы Щедринской [17], из таких же «раскопок» происходили и так называемые синюхаевские монеты [18]⁴ и т.д.

Не отставали в этом «занятии» от равнинных жителей и обитатели горных районов края – достаточно вспомнить историю находок из могильника у сел. Шарой (хотя здесь инициатива, возможно, исходила от начальника Аргунского округа, полк. А.П. Ипполитова, «открывшего» в том же 1867 г. Шаройский могильник) или же отмеченные историком и археологом В.И. Долбежевым (1842–1911) во время исследований 1882 г. уже разрытые могильники в Верхнем Кие, Чинухое и других местах [19, с. 154]. Не случайно к этому времени относится и начало активной деятельности упоминавшегося выше К.И. Ольшевского.

Власти Терской области, в состав которой входил Грозненский округ, достаточно долго не пытались предпринимать в этой ситуации какие-либо серьезные меры – сказывалось отсутствие соответствующего законодательства и контролирующих структур (хотя еще в конце 1860-х гг. археология на местах была передана в ведение государственных губернских статистических комитетов [7, с. 18 и далее]), а также заинтересованных и ориентированных в этой сфере представителей чиновничества и интеллигенции, которые появились здесь лишь к концу 1870–1880-х гг. (напр., упоминавшийся выше археолог-краевед Н.С. Семенов). Нужно также заметить, что разрушительный ажиотаж подстегивала определенным образом и неверная по сути, но обычная для того время практика скупки предметов из грабительских раскопок приезжавшими на юг России представителями зарубежных и российских археологических и музейных учреждений (см. об этом: [2])⁵.

Показательно, что и Императорская Археологическая Комиссия, призванная контролировать и процессы сохранения памятников, финансируя проведение раскопок, в то же время выделяла средства на закупку археологических находок у частных лиц, что не могло не «стимулировать» в целом как самих кладоискателей, так и открытую торговлю древностями на местах [2, с. 756]. То же самое имело место и в деятельности ИМАО.

Во всяком случае, если судить, например, по итогам тех же исследований 1888 г. в Чечне, то становится очевидным, что значительная часть артефактов тогда была приобретена обоими археологами – П.С. Уваровой и А.А. Бобринским – у местных жителей и перекупщиков, что отражено в отчетных материалах [6]. Особых усилий для этого не требовалось – таких торговцев, например, в Грозном, который был тогда небольшим городом, насчитывалось не меньше десятка [18].

Все эти негативные явления периода становления археологической науки на Северном Кавказе имели общерегиональный характер, но, судя по рапорту А.А. Бобринского Министерству Императорского двора в мае 1888 г., хуже всего дело обстояло в Терской области, в округе Владикавказа и окрестностях Грозного [2, с. 770–771]. Так, корреспондент «Русских ведомостей» в марте 1889 г. сообщал из Владикавказа: «... У дигорцев северо-западной Осетии и ингушей ... недавно появился новый промысел – торговля археологическими предметами, извлеченными из древних могильников. Число лиц туземного населения, занимающихся продажей археологических предметов, очень велико.... Это настолько выгодно, что 2–3 дигорца открыли во Владикавказе склады археологических древностей... Один из таких складов прошлой осенью осматривала председательша Императорского Московского археологического общества графиня Уварова, недавно известившая письмом владельца о желаниии московского Исторического музея приобрести всю коллекцию...» [21].

⁴ Монеты, очевидно, приобретались сотником 2-го Кизляро-Гребенского полка К.А. Синюхаевым (1852 г.р.), уроженцем ст. Старогладковской, отцом Н.К. Синюхаевой, позднее передавшей их на определение в ИАК.

⁵ Тема эта остается актуальной и сегодня – среди специалистов продолжают дискуссии по поводу правомерности приобретения музеями предметов из грабительских раскопок и участия археологов в их оценке (см., напр.: [20]).

Не случайно позднее ситуация того времени с охраной культурного наследия описывалась следующим образом: «Сохранившиеся ... памятники всегда привлекали внимание русских, в особенности иностранных исследователей, увозивших отсюда после своих изысканий всегда обильную и богатую жатву. Еще больше исторических ценностей перешло из Терской области за границу при содействии хищников, широко развивавших свою деятельность... За деятельностью их никто не наблюдал, никто не старался положить ей конец...» [22, с. 11].

Возвращаясь к истории 1888 г., отметим, что массовое вскрытие курганов в окрестностях Грозного началось, видимо, в 1887 г. Во всяком случае, Н.С. Семенов отмечал, что «... к концу января следующего года (т.е. 1888 г. – *Авт.*) множество курганов плоскостной Чечни было уже разрыто» [11, с. 166].

Наиболее активно самовольные раскопщики орудовали в окрестностях ближайших к Грозному селений – Алды, Алхан-Юрт, Кулары, Гойты, Чечен-Аул и др. Вероятно, эта бесконтрольная «деятельность» продолжалась бы еще долго, если бы в одном из куларинских курганов не был выкопан неординарный предмет из драгоценного металла (по сведениям Ю.К. Чураковского, это случилось еще осенью 1887 г. [12, л. 842]), и с этого момента происходящее получило широкую огласку.

Уже 8 февраля 1888 г. в «Московских ведомостях» появилось короткое сообщение: «При раскопках одного из курганов, находящихся вблизи станицы Алхан-Юрта Терской области, чеченцами найдена золотая поврежденная корона ... В том же кургане открыты человеческие кости» [23]. Очевидно, реакция ИАК в виде официального запроса последовала незамедлительно, и 18 февраля начальник Терской области генерал А.М. Смекалов направил графу А.А. Бобринскому ответ, суть которого сводилась к тому, что никакой короны около станицы Алхан-Юрта найдено не было, а при случайной (!? – *Авт.*) раскопке вблизи селения Кулары одним из жителей этого селения была найдена золотая вещь, служившая, по-видимому, женским головным убором, и что раскопка кургана около селения Кулары воспрещена, а властям округа предписано вообще не допускать раскопок курганов и могильников [23]. Очевидно, к этому моменту и относились слова того же Н.С. Семенова, не без иронии заметившего: «Хорошо еще, что местная администрация поспешила... воспретить археологические экскурсии..., иначе на всем пространстве плоскостной Чечни на месте древних курганов... красовались бы одни волчьи ямы» [11, с. 167].

Более того, осознав, что дело, похоже, не обойдется без дальнейшего внимания со стороны центральных и областных властей и, соответственно, последствий, начальство Грозненского округа в конце февраля того же года собрало у жителей окрестных селений и Грозного наиболее ценные (с материальной точки зрения) предметы, добытые «при секретных раскопках» курганов и после еще одного запроса из ИАК, направленного 7 марта одним из ее ведущих сотрудников – известным российским нумизматом и археологом графом И.И. Толстым о находках золотых и серебряных колец в окрестностях Грозного (в этот раз с ссылкой на сообщение областной газеты «Терские ведомости»), отправило их в Санкт-Петербург, сопроводив примечанием об «уместности торгового по металлической стоимости» находок. 19 марта предметы из Алды, Гойты, Чечен-Аула, Алхан-Юрта, Ачхоя и Бачи-Юрта были отосланы в ИАК [23].

Что же касается той самой «короны» из сел. Кулары, из-за которой и начался этот «шум», то она была приобретена у местного купца упоминавшимся Ю.К. Чураковским и отправлена в Москву главе ИМАО графине П.С. Уваровой. В ее информации о могильниках и курганах Кавказа, опубликованной позже в «Трудах Императорского Московского Археологического Общества» (приложение к протоколу заседания ИМАО от 17 февраля 1889 г.), сообщалось, что около аулов Алхан-Юрт (не станицы! – *Авт.*), Новые Алды и Кулары «... были найдены: *золотой венец* ... и *гривна* (курсив наш. – *Авт.*), которые были продемонстрированы мною (П.С. Уваровой. –

Авт.) в прошлом году (т.е. в 1888 г. – *Авт.*) в нашем Обществе и приобретены мною от местного населения, благодаря тем дружественным отношениям, которые закреплены за мною на Кавказе» [24, с. 82].

Тут есть один неясный момент – судя по приведенному выше тексту, П.С. Уварова показывала на упомянутом собрании ИМАО пару крупных находок – венец и гривну, однако изначально речь шла об одном предмете – так называемой «короне». Напомним, что А.М. Смекалов в своем ответе в ИАК также упоминал лишь одну вещь – некий женский головной убор, с которым проще всего было бы сопоставить «венец», но реальное существование именно гривны (т.е. шейного украшения) сомнений не вызывает. Так о каком еще венце из Кулары могла идти речь?

Недавно Санкт-Петербургские исследователи В.Я. Стеганцова и М.Б. Рысин при описании работ, проведенных А.А. Бобринским в Кулары, ссылаясь на рукописные материалы, упомянули диадему, обнаруженную местными жителями все в том же кургане, и, таким образом, появился третий вариант определения (названия) одной и той же куларинской находки [2, с. 719]. Но в фондах ГИМа, куда было передано в свое время все археологическое собрание из поместья Уваровых в Поречье, из сел. Кулары присутствует лишь гривна – ни «короны», ни «венца», ни «диадемы» в коллекции нет. Кстати, лишь об одном таком предмете, который он тоже сначала назвал «короной» (правда, взяв в кавычки) писал в письме П.С. Уваровой от 14 февраля 1888 г. и Ю.К. Чураковский, сам отсылавший эту находку в Москву (см. выше). Поэтому очевидно, что в текст П.С. Уваровой в «Трудах ИМАО» вкралась ошибка. Похоже, на это обратил внимание еще Е.И. Крупнов, в 1960 г. отметивший в «Древней истории Северного Кавказа» находку местными жителями у сел. Кулары гривны (венца)⁶.

То, что под куларинской «короной» / «венцом» / «диадемой» имелась в виду одна находка – гривна (шейное украшение и символ социального статуса), подтверждает и опубликованный отчет А.А. Бобринского, в котором указывалось, что в Кулары «...найденно было ... головное украшение, которое немедленно-же было разломано находчиками, как рассказывают, на три части. Благодаря стараниям младшего помощника начальника Грозненского Округа г. К. Чураковского (так в тексте. – *Авт.*) части этого венца собраны и отправлены гр. Уваровой, совместно со многими, найденными здесь, привесками⁷» [25, с. ССLXIII–ССLXIV]. Правда, судя по словам самого Ю.К. Чураковского, эта находка была разделена на две части («... пополам»; «... состоит из двух кусков...») [12, л. 841–842], но у исследователей, издавших ее позднее – В.Б. Виноградова и М.П. Абрамовой, гривна из Кулары, хранящаяся ныне в ГИМе, состоит из трех фрагментов, что отчетливо видно на рисунке в публикации первого из них [26, с. 22, рис. 6, 4; 27, с. 88, рис. 30, 10].

По приезду в Грозный в марте 1888 г. А.А. Бобринский предпринял попытку раскопать тот самый куларинский курган окружностью около 150 м и высотой около 5 м, вскрыв часть его насыпи в соответствии с методикой того времени «широким колодцем в 10,5 м в диаметре» [25, с. ССLVII–ССLXX].

Судя по описанию обнаруженных там погребений и предметов, это был типичный для этой части Чеченской равнины крупный погребальный объект – «большой» курган, основное захоронение которого относилось, скорее всего, к периоду раннего бронзового века (судя по упоминанию кремневого острия в грабительском перекопе и окрашенных охрой костей), впускные – к скифскому и сарматскому времени, в том числе и с той самой гривной. Но ничего экстраординарного

⁶ Позднее, в 1971 г. она уже упоминалась им как просто гривна [32, с. 19].

⁷ Но эти привески (или металлические бусы?), найденные там же, в количестве 110 шт. до П.С. Уваровой, видимо, не дошли – по словам того же Ю.К. Чураковского, они были переплавлены находчиками, что еще раз заставляет критически воспринимать рассказы (информацию) как тогдашних, так и сегодняшних кладоискателей – грабителей археологических памятников.

больше во вскрытой части курганной насыпи обнаружено не было (о раскопках А.А. Бобринского см. указанный выше текст в Отчете Археологической Комиссии за 1888 г., а также: [28])⁸.

П.С. Уварова также пыталась организовать раскопки этого кургана с помощью того же Ю.К. Чураковского – он даже получил открытый лист от ИМАО, но из этой затеи ничего не вышло, поскольку последний под разными предложениями (отчасти резонными – отсутствие знаний, опыта и т.д.) уклонился от этого поручения [12, л. 846–849]. К тому же разрешение (открытый лист) из Москвы пришло в Грозный уже после того, как А.А. Бобринский провел раскопки в Куларах.

Здесь основную роль, видимо, сыграло то немаловажное обстоятельство, что Ю.К. Чураковский оказался, как говорится, «меж двух огней» – именно в этот период соперничество между ИАК и ИМАО, как уже отмечалось, достигшее наибольшего накала, отчетливо проявилось и в рассматриваемой ситуации, и Ю. К. Чураковский старался избежать участия в этом конфликте двух археологических организаций⁹.

В письме от 5 июня 1888 г. П.С. Уваровой он, оправдываясь и намекая на «административный ресурс» А.А. Бобринского, писал: «Лично я не мог раскопать этот курган, хотя Вы об этом и просили, потому, и мое начальство, сердитое за перехват «короны» (т.е. отсылку гривны П.С. Уваровой. – *Авт.*), не позволило мне это сделать. К слову сказать, и досталось же мне за злосчастную «корону», а еще более купцу чеченцу продавшему ее... Конкурировать с графом Бобринским по приобретению вещей я не считаю возможным, так как он платит просто бешеные деньги за них....

Сознавая всю неловкость своего положения, я ... не знаю, как из него выйти. Откровенно говоря, я предпочел бы сотрудничать Московскому археологическому обществу... но ... боязнь, ввиду частых толков об отнятии у всех обществ прав на выдачу свидетельств для раскопок и представление этих прав исключительно одной Археологической комиссии. Тоже самое мне говорил граф Бобринский... Если по каким-либо соображениям Вы найдете необходимым отозвать выданное мне свидетельство, я ... немедленно возвращу. Но я попросил бы оставить его до поры до времени у меня. Дело в том, что открытый лист, выданный Археологической комиссией, дал мне право проводить раскопки в пределах ... Грозненского округа, между этим в конце этого месяца я предполагаю быть ... Хасав-Юрте (соседний округ) и думаю, что раскопки дадут хороший результат... работы попробуем провести по Вашему свидетельству»¹⁰ [12, л. 849].

Но, судя по его дальнейшей переписке с ИАК, он так и не представил отчет по открытому листу № 397, выданному последней на проведение раскопок на казенных и общественных землях Грозненского округа [4, с. 27], вернув остаток денежных средств, выделенных ему Комиссией на эти исследования [23]. Правда, возможно, что какие-то раскопки (?) он все же попытался провести – в одном из очередных посланий П.С. Уваровой Ю.К. Чураковский писал: «*Произведя несколько пробных раскопок мною* (курсив наш. – *Авт.*), теперь приблизительно определяю стоимость разрытия разных курганов...» [12, л. 852]. Но по какому из полученных разрешений – от ИАК или ИМАО – он провел работы, неясно и результаты их неизвестны. В архиве ИАК в том же деле № 22

⁸ Здесь нужно отметить, что никаких оснований для отнесения куларинского кургана с гривной к «пещерным» погребениям – т.е. подкурганым катакомбам, как это указано у П.С. Уваровой [24, с. 82], не было.

⁹ В это же время (т.е. практически одновременно) Ю.К. Чураковский получил открытый лист и денежные средства от ИАК на проведение исследований на территории Грозненского округа.

¹⁰ Тут Ю.К. Чураковский слегка лукавил – похоже, он заведомо полагал, что раскопки в Хасав-Юртовском округе принесут свои плоды, и эта уверенность, видимо, имела под собой вполне реальную почву. Дело в том, что тогда же ИАК приобрела у еще одного чиновника Грозненского округа – тоже помощника начальника подполковника А.М. Цуцулиева набор найденных в кургане в Хасав-Юртовском округе золотых инкрустированных красными камнями деталей конской сбруи (датируемых VI в.) за 300 р. (авторы признательны М.М. Казанскому (Centre National de la Recherche Scientifique, Paris) за информацию об этой находке). Весьма вероятно, что Ю.К. Чураковский знал об этом, что и побудило его попытаться предпринять раскопки близ Хасавюрта и отыскать там же что-то подобное. Данные предметы экспонируются в Государственном Эрмитаже.

Ю.К. Чураковского за 1888 г. присутствуют фотографии находок из Алхан-Юрта, Кулары и Хасав-Юрта, а также просьба сотрудника ИАК В.Г. Тизингаузена сообщить о представлении отчета и найденных предметов, но других материалов, указывающих на проведенные исследования, там нет (см. также: [29, с. 27])¹¹.

В конечном счете, усердие Ю.К. Чураковского в части общения с ИМАО в известной мере было оценено П.С. Уваровой – 25 ноября 1888 г. он был избран членом-корреспондентом Императорского Московского археологического общества [30, с. 400], но после этого в каких-либо иных археологических делах, видимо, не участвовал. Во всяком случае, в «Биографическом Словаре Членов Общества», изданном в 1915 г., сведения о Ю.К. Чураковском весьма ограничены и соответствуют выше рассмотренной ситуации 1888 г.: «... Принимал участие в поездках по Северному Кавказу гр. П.С. Уваровой, помогал во время раскопок, собирал среди местного населения находимые древности и доставлял их Императорскому Московскому Археологическому Обществу» [30, с. 400]¹².

Что же касается кладоискательского «бума» в Чечне, то в одном из своих последних писем П.С. Уваровой в октябре 1889 г. Ю.К. Чураковский написал: «В заключении могу Вас порадовать сообщением, что в Чечне совершенно прекратились разрытие и разграбление курганов...» [12, л. 858]. Однако приходится с сожалением констатировать, что эта ситуация с культурным наследием Чечни оказалась не последней [15].

Так завершилась эта почти детективная история с «коронай» из кургана близ сел. Кулары, ставшая одной из первых страниц истории археологического изучения древностей на территории Грозного и его окрестностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вихнович В.Л.* Караим Авраам Фиркович. Еврейские рукописи. История. Путешествия. СПб., 1997. 208 с.
2. *Стеганцева В.Я., Рысин М.Б.* Императорская Археологическая Комиссия и исследование памятников Кавказа и Предкавказья // Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917). К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб., 2009. С. 661–782.
3. *Фиркович А.* Археологические разведки на Кавказе // Записки Императорского Археологического Общества. Т.IX. СПб., 1857
4. *Мамаев Х.М., Мамаев Р.Х.* П.С. Уварова и археология Чечни // Наука и образование в Чеченской Республике: состояние и перспективы развития : материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 10-летию со дня основания КНИИ РАН. 7 апреля 2011 г., г. Грозный. Грозный, 2011. С. 635–638.
5. *Мамаев Х.М., Мамаев Р.Х.* Археологические памятники на территории г. Грозный (материалы к археологической карте) // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2018. № 2(39). С. 78–89.
6. *Мамаев Х.М., Мамаев Р.Х.* Археологические памятники Урус-Мартановского района ЧР (материалы к археологической карте). Часть 1 // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2020. № 2(49). С. 82–90.

¹¹ Правда, в «Перечне...» Чураковский (без инициалов) назван начальником Грозненского округа и там же, в «Указателе» – Г.К. Чураковским (вместо Ю.К.), помощником начальника округа [29, с. 27, 203], но сути дела это не меняет. Нередко имена Юрий и Георгий воспринимались за идентичные (первое является производным от второго) и взаимозаменялись.

¹² Возможно также, что какие-то сведения о поездке П.С. Уваровой в Грозный находятся в архиве ИМАО (как и материалы, связанные с другим грозненцем – Н.С. Семеновым), но этот вопрос требует дополнительного изучения. Что же касается Ю.К. Чураковского, то он, судя по имеющимся данным, связал свою дальнейшую жизнь с продолжением военной карьеры, дослужившись к 1915 г. до чина генерал-майора при выходе на пенсию [31].

7. *Смирнов А.С.* Власть и организация археологической науки в Российской империи (очерки институциональной истории науки XIX – начала XX века). М., 2011. 592 с.
8. Грозный: история и современность. Историко-этнографический сборник статей, посвященный 200-летию основания г. Грозного. Вып. 1. Грозный, 2017. 459 с.
9. *Мамаев Х.М., Мамаев Р.Х.* Н.С. Семенов – первый археолог и краевед Чечни // История науки и техники. 2012. № 7. С. 146–151.
10. *Семенов Н.* Загадочные могилы (прогулка в области археологии) // Кавказ. 1887. 8 дек. № 325.
11. *Семенов Н.* Чеченцы – археологи (наброски любителя этнографии и археологии) // Туземцы Северо-Восточного Кавказа (Рассказы, очерки, исследования, заметки о чеченцах, кумыках и ногайцах и образцы поэзии этих народцев). СПб., 1895. С. 161–208.
12. Отдел письменных источников Государственного Исторического музея (ОПИ ГИМ). Оп. 1. Ед. 576.
13. *Соснина Л.* Ян Потоцкий и его «Путешествие в астраханские и кавказские степи». Пятигорск, 2003. 172 с.
14. *Эрлих В.Р.* Северо-Западный Кавказ в начале железного века. Протомеотская группа памятников. М., 2007. 430 с.
15. *Гапуров Ш.А., Мамаев Х.М.* Сохранение археологического наследия Чеченской Республики – наша общая задача // Историко-культурное и природное наследие народов Юга России : материалы Всероссийской научно-практической конференции «Историко-культурное и природное наследие народов Юга России: состояние, перспективы сохранения и развития» (г. Грозный, 25–26 июня 2009 г.). Т. I. Грозный, 2009. С. 12–19.
16. *Раев Б.А.* Северо-кавказские древности римского времени в коллекции Музея Грузии (Тбилиси) (о времени и путях проникновения ранних алан на Северный Кавказ) // История Северного Кавказа с древнейших времен по настоящее время (тезисы конференции 30–31 мая 2000 года). Пятигорск, 2000. С. 197–199.
17. *Абрамов Н.Г.* Сунженское и Терское городище (по поводу книги И.Д. Попко) // Терские ведомости. 1881. 7 марта.
18. *Мамаев Х.М., Мамаев Р.Х.* К истории изучения куфических монетных находок на Северо-Восточном Кавказе // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2015. 4 (29). С. 59–63.
19. *Мамаев Х.М., Мамаев Р.Х.* О деятельности В.И. Долбежева по археологическому изучению Чечни в 80-х гг. XIX в. // Проблема социально-политического развития народов Северного Кавказа в последней трети XIX – начале XX веков : материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию Первой Мировой войны. Грозный, 22 апреля 2014 г. Грозный, 2014. С. 151–160.
20. *Флеров В.С.* Найдено на аукционе «Christie». Роль эксперта в торговле древностями // Российская археология. 2004. № 2. С. 115–122.
21. Русские ведомости. 1889. 26 марта. № 84.
22. Охрана старины в Терской области // Археологическая хроника. Известия Императорской Археологической Комиссии. Прибавление к выпуску 57-му. (Хроника и библиография. Вып. 27). Петроград, 1915. С. 11–12.
23. Архивный фонд Императорской Археологической Комиссии Рукописного отдела Научного архива Института истории материальной культуры. Ф. 1. 1888 г. Д. 22.
24. *Уварова П.С.* Могильники и курганы Кавказа // Труды Императорского Московского Археологического Общества. Т. XV, вып. I. М., 1894. С. 73–89.
25. Доклад о действиях Императорской Археологической Комиссии за 1888 год // Отчет Императорской Археологической комиссии за 1882–1888 годы. СПб., 1891.
26. *Виноградов В.Б.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963. 221 с.
27. *Абрамова М.П.* Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.). М., 1993. 240 с.
28. *Мамаев Х.М., Дачаев И.С.-Х.* О некоторых ранних археологических памятниках на территории г. Грозный // Грозный: история и современность. Историко-этнографический сборник статей, посвященный 200-летию основания г. Грозного. Вып. 1. Грозный, 2017. С. 286–297.

29. Белова Н.А. Перечень материалов экспедиций и исследований в фонде Императорской Археологической Комиссии Рукописного отдела научного архива Института истории материальной культуры РАН // Приложение. Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917). К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб., 2009. С. 12–140.

30. Императорское Московское Археологическое Общество в первое пятидесятилетие его существования (1864–1914 гг.). Т. II. 1. Биографический Словарь Членов Общества. 2. Список трудов Членов Общества, помещенных в изданиях Общества. М., 1915. XXII, 447, 257 с.

31. Чураковский Юрий Константинович // Генералитет российской императорской армии и флота: URL: http://rusgeneral.ru/gen/ch/gen_ch384a.html (дата обращения: 16.06.2021).

32. Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. М., 1971. 206 с.

*Поступила в редакцию 20.05.2021 г.
Принята к печати 26.06.2021 г.*